

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Здоровые дети – здоровое общество

Нехватка мест в детских садах – наболевшая проблема

На заседании совета по местному самоуправлению при Председателе Государственной Думы, прошедшем 7 июля, одним из вопросов, предложенных для обсуждения, был вопрос о нехватке мест в детских садах.

Например, по данным Министерства образования и науки РФ, на первое января 2011 года в стране в очереди на место в детский сад стоит 1,684 миллиона детей. Посещает дошкольные учреждения 5,5 миллиона ребятишек. Неудовлетворенный спрос составляет почти 24%, то есть каждая четвертая молодая семья не может устроить своего ребенка в садик или ясли. По мнению председателя Комитета Госдумы по вопросам местного самоуправления Вячеслава Тимченко, такое положение негативно влияет на множество других сторон жизни общества. В-первых, отвлекает значительную часть лиц трудоспособного возраста с рынка труда, во-вторых, снижает уровень социализации и образовательный уровень подрастающего поколения, поскольку «домашнее» воспитание под присмотром некавалифицированных нянь – бабушек и дедушек – не может равноценно и полностью заменить дошкольное образование и воспитание. В-третьих, уровень обеспеченности такими услугами является одним из важнейших показателей качества жизни. Если четверть семей, имеющих

детей дошкольного возраста, не удовлетворена еще и обстоятельствами, связанными с жизнью самых дорогих для них существ, это крайне негативно сказывается на психологическом состоянии значительной доли общества, так или иначе вовлеченной в эти проблемы. Не остался в стороне от проблемы материнства и детства и Председатель Госдумы, Председатель Парламентского Собрания Союза Беларуси и России Борис Грызлов. Он напомнил о том, что в прошлом году руководство «Единой России» обсуждало с Президентом России Дмитрием Медведевым проблему нехватки мест в детских садах. «Тогда мы внесли ряд предложений.

Первое, что было необходимо сделать, – провести мониторинг зданий детских садов, которые были отданы под коммерческие помещения. Нами было выявлено порядка 7000 объектов. И за год нам удалось вернуть к их изначальной цели 900 зданий. Кроме того, было построено 400 новых детских садов. В ближайшее время будет возвращено еще 800 зданий. В октябре 2010 года были приняты новые санитарные правила и нормы (СанПины), которые улучшили ситуацию с созданием семейных детских садов и детских садов на основе государственно-частного партнерства».

Несколькими днями раньше в Москве, на Первом Всероссийском

форуме «Воспитатели России» в рамках партийного проекта «Единой России» «Детские сады – детям», Борис Грызлов рассказал, что проект реализуется чуть больше года, но уже дает результаты. Проводимые конкурсы позволяют выявлять лучших воспитателей, лучшие детские сады. Благодаря этой работе удалось собрать информацию о новейших педагогических методиках и разработках. «Детские сады – их строительство и содержание – сфера ответственности даже не регионов, а муниципалитетов, то есть каждый отдельно взятый муниципалитет до сих пор решал эту проблему по-своему или не решал, – сказал Б. Грызлов. – Партийный про-

ект позволил наладить мониторинг, который показал, как на практике используются существующие здания детских садов. Мы выяснили, что не по назначению использовалось 7 тыс. муниципальных и около тысячи ведомственных детских садов».

В регионах приняты целевые программы по реконструкции, развитию и восстановлению системы дошкольных учреждений. Для стимулирования этого процесса правительство 20 мая приняло Постановление №404, в котором утверждены правила предоставления субсидий из федерального бюджета федеральным субъектам Российской Федерации – на реализацию комплекс-

ных программ поддержки развития дошкольных образовательных учреждений. Региональные бюджеты за четыре года выделяют на это более 200 млрд рублей. В федеральном бюджете тоже предусмотрены средства на развитие детских садов. «В этом году на укрепление материально-технической базы дошкольных учреждений будет направлен 1 млрд рублей», – сказал Б. Грызлов.

Основное направление использования средств субсидий из федерального бюджета – оснащение дополнительно созданных мест для детей дошкольного возраста детской мебелью, спортивным инвентарем, играми, игрушками, издательской продукцией, здоровьесберегающим оборудованием, техническими средствами обучения. В 63 субъектах Российской Федерации разработаны и реализуются региональные программы, направленные на обеспечение качества и доступности дошкольного образования для разных социальных слоев и групп населения России. Пока же, по данным Роспотребнадзора, 42,1% существующих дошкольных учреждений нуждается в ремонте. Капитальный ремонт требуется 4584 учреждениям, косметический – 15 667. Все это приводит к переполненности и неудовлетворительной санитарно-эпидемиологической обстановке в детских образовательных учреждениях. Особенно неблагоприятная ситуация складывается в городских муниципальных учреждениях, где наполняемость групп превышает допустимую на 40,2%, а в ряде регионов данные показатели в 2-3 раза выше.

Сейчас проблема доступности дошкольного образования решает-

ся за счет строительства новых зданий, возврата ранее переданных в другие ведомства, реструктуризации сети образовательных учреждений, использования возможностей негосударственного сектора дошкольного образования, внедрения различных моделей дошкольного образования. Одним из них, например, может стать развитие семейных детских садов. Эта форма дошкольного образования уже зарекомендовала себя в некоторых регионах, и «положительный опыт можно и нужно тиражировать по всей России», убежден Б. Грызлов. Другим перспективным направлением он считает создание новых детских садов в рамках частно-государственного партнерства.

Достижение оптимального уровня развития каждого ребенка дошкольного возраста, который позволит ему быть успешным в школе, говорится в проекте рекомендаций Совета, – одна из приоритетных задач развития дошкольного образования в России. Ее решение требует гибкой, многофункциональной системы дошкольного образования, обеспечивающей конституционное право каждого на общедоступное и бесплатное дошкольное образование. Кроме того, система дошкольного образования – один из факторов укрепления и сохранения здоровья детей, а также улучшения демографической ситуации. Это актуально и для Союзного государства, где система дошкольного образования также рассматривается как один из факторов улучшения демографической ситуации: в Беларуси, как и в России, она оставляет желать лучшего.

Наталья ДОЛУГИНА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Опыт сотрудничества

Союзное государство и новые интеграционные проекты: прогнозы и перспективы

15-летняя история союзного строительства в последние месяцы оказалась весьма заметной темой в российско-белорусском политическом дискурсе. К этому подтолкнуло появление новых интеграционных проектов на постсоветском пространстве и заметное оживление структур, существующих ранее, но ведущих до сего момента вялотекущий образ жизни. Спектр интеграционных предложений сегодня достаточно широк – Союзное государство Беларуси и России, Таможенный союз уже трех государств – с Казахстаном (а поговаривают уже и о формуле 3 + 1 с Украиной), функционируют СНГ, ОДКБ. Речь идет и о Едином экономическом пространстве. В связи с этим напрашивается вопрос о взаимодействии всех этих структур и их многочисленных органов. Возникает необходимость тщательного анализа всех наших интеграционных действий – и успешных и несостоявшихся – для того чтобы мы не топтались на месте, а активнее реализовывали наш интеграционный потенциал на благо сограждан и сумели бы занять достойное место в мире. Без такого анализа ошибок и достижений невозможно идти дальше. Мы решили сегодня предложить читателям «СВ» вместе с нами поразмышлять над тем, какой будет судьба Союзного государства после того, как окрепнет Таможенный союз, будет создано Единое экономическое пространство. Все эти вопросы мы адресовали президенту Института национальной стратегии Михаилу РЕМИЗОВУ.

– Михаил Витальевич, вы очень часто участвуете во всевозможных экспертных мероприятиях – вас приглашают на «круглые столы», конференции, форумы, посвященные проблемам союзного строительства, то есть вы – полноправный участник этого процесса. Но насколько прислушиваются к вашим и другим экспертным оценкам политики? Особенно в отношении ряда острых проблем, которые существуют и в двусторонних отношениях, и в формате Союзного государства?

– Мне кажется, что есть влияние на уровне общественного мнения, прессы. И уже через общественное мнение и СМИ возникает определенное влияние на лиц, принимающих решения. Я думаю, это в целом характеризует стиль управления в России, и, по-моему, в Беларуси тоже. Те экспертизы, которые требуются при подготовке и принятии решения, происходят, скажем так, в достаточно закрытом, непубличном режиме. А то, что является предметом публичных дискуссий, публичной экспертизы, открытых дебатов, скорее влияет на общественное мнение, СМИ и уже тогда начинает интересовать власть и лиц, принимающих решения.

– Как часто привлекают экспертов к обсуждению острых вопросов?

– Такое случается, но в том, что касается процесса союзного строительства, я вижу пока слабо техническую экспертизу. А не ту экспертизу, что касается в принципе путей и моделей развития этого интеграционного проекта. Реального спроса на это я пока не вижу, но не вижу и широкой общественной дискуссии именно по поводу судьбы проекта Союзного государства.

– Вы говорите о необходимости обсуждения сущностных, концептуальных моментов существования СГ. Без чего невозможно движение вперед?

– Например, не определена конституционно-правовая форма Союза, который формируется. Она не была определена даже на том этапе, когда Союз был более приоритетным проектом для лиц, принимающих решения. Когда он был предвыборным проектом. Это 1996 год, это и 2000-й. Даже тогда не было понятия, о какой форме государственности идет речь. О союзе государств, о конфедеративном государстве либо о федерации. Как быть с тем, что одно государство – унитарное, а Россия – федерация? Это должна быть конфедерация между федерацией и унитарным государством? Если серьезно относиться к идее формирования нового союзного государства, значит, необходимо учреждение этого нового государства с новой конституцией, и в этом процессе принимают участие власть и общество обеих республик. Эти принципиальные вопросы не обсуждались. Кроме того, в России перестал обсуждаться вопрос: зачем это нам нужно. Нулевые годы прошли под знаком, который можно назвать внешнеполитическим прагматизмом. Когда пытались оперировать целями дипломатии и внешней политики, максимально приближенными к измеримым величинам. Какой эффект для экономики, какой эффект для бюджета, какая нагрузка. С одной стороны, эту рачительность можно понять, но, с другой стороны, внешняя политика серьезного, большого, ответственного государства со своей историей, своей миссией, своей сферой влияния не может строиться на

основе таких калькуляций. Или, по крайней мере, на основе коротких калькуляций, потому что если мы начнем делать аналогичные калькуляции, скажем, с точки зрения экономического эффекта на длинных отрезках времени, то и выводы будут совершенно другими.

– Если оценивать сегодняшнее состояние союзного строительства – в нем сейчас больше экономики или политики?

– Сейчас вообще живым, движущимся проектом является Таможенный союз, «Тройка» и ЕЭП – Единое экономическое пространство как следующий этап. СГ отливается тем, что там сначала была политика, и там была поставлена задача принятия единого Конституционного акта. Недаром такое амбициозное название: государство. Но сегодня я расцениваю состояние этого проекта как состояние замороженного долгостроя. Определенная часть здания уже построена, существенная часть, и мы этими базами пользуемся. Это транзитная возможность передвижения, возможность найма на работу граждан обеих стран, унификация сферы образования, совместные коммуникации. Механизмы СГ хороши уже тем, что они являются гарантом обеспечения этих прав и возможностей. Но те политические, амбициозные задачи, которые ставились, – выборы в союзный парламент, Конституционный акт, единая валюта – остались невыполненными. Но есть еще военная компонента, которая не может существовать без политической. Военное сотрудничество возможно только на базе политической близости, политического решения о том, что мы вместе как страны. Это реальность, и это существует.

– Вы назвали три амбициозных ориентира, к которым стремилось СГ. Есть ли смысл сейчас вообще возвращаться к этим проблемам? Или организация ЕЭП ликвидирует эти ориентиры за ненужностью?

– Есть смысл. Во-первых, в жизни, истории, политике тоже любые запланированные, но несделанные

дела тяготят. Это определенный груз. И поэтому нужно вернуться к намеченному в начале пути и провести ревизию тех задач, которые ставились. Начиная от единой валюты и заканчивая Конституционным актом, формированием совместных органов. И на основе этой целостной, открытой ревизии задач снять, часть поставить снова и определить этапы их достижения. А теперь по поводу соотношения Таможенного союза и ЕЭП. По мере развития этих образований неизбежно встанет вопрос о наднациональных органах. Потому что те регулирующие функции, которые де-факто будет вынуждена выполнять комиссия Таможенного союза, очень серьезные. И если мы действительно будем проводить единую таможенную политику, тарифную, совместно бороться с контрабандой, то для всего этого необходимы хоть какие-то наднациональные органы и институты. Опыт решения этой задачи уже есть у СГ. Так или иначе по этому пути придется идти.

– Вспомните, как в Евросоюзе постепенно и осторожно передавались наверх эти полномочия. Но такие разные страны Европы все же прошли этот путь.

– Да, начиналось все с Союза углей и стали, с экономического объединения. В этом смысле логично, что и Таможенный союз тоже является первым этапом единого проекта. Иногда о нем говорят как о Евразийском союзе. Если брать пример ЕС, то там показательно следующее: вроде бы формально, на уровне институтов экономика шла вперед политики. Но на самом деле политика уже была до нее. Потому что платформой объединения были две очень важные политические идеи. Одна – самостоятельность Европы в ситуации холодной войны, когда две сверхдержавы друг

с другом воюют, делят мир на сферы интересов. А что Европа? Европа полностью лишена субъектности, самостоятельности, и она больше не играет серьезной роли в мировой истории, какую она всегда играла? Европейский лидер, которые стояли у истоков ЕС, это не нравилось. Поэтому был прежде всего достигнут консенсус о том, что Европа должна играть самостоятельную роль, более сильную в новом мире (и это стало платформой объединения). И второе: был достигнут послевоенный консенсус о предотвращении военных конфликтов на территории Европы, которые ее истощили.

– Помните, даже термин обсуждался – «Соединенные штаты Европы»...

– Да, поэтому изначально существовала политическая платформа в основе экономического проекта ЕС. У нас она тоже существует, но не проговорена, и хотя она подразумевается, но нуждается в более четком оформлении и обсуждении. Это вопрос принятия решения народом. На каком-то этапе может потребоваться референдум или, по крайней мере, серьезная национально-политическая дискуссия и открытое принятие решения.

– Исходя из сказанного вами, возникает такая мысль, что дальнейшее затягивание этих вопросов приведет к двусмысленному положению СГ в формате других интеграционных объединений: в Таможенном союзе, ЕЭС.

– Да, у нас получается нагромождение интеграционных структур: СГ, Таможенный союз, ЕврАзЭС, которые не всегда понятно как между собой соотносятся. Если посмотреть на политическую повестку, мы видим, что реальное продвижение идет по проекту Таможенного союза и ЕЭП. И все пе-

реговорные механизмы идут именно в этом формате. Давайте вспомним несколько нефтегазовых конфликтов России и Беларуси. Уже тогда все механизмы СГ, нормы и принципы, по сути, были вынесены за скобки. Не применялись механизмы двустороннего арбитража, не были созданы механизмы согласования интересов в решении конфликтов интересов. Стороны вели переговоры так, даже когда они уступали друг другу, как будто они не связаны серьезными обязательствами в рамках СГ. И это говорит о необходимости вернуться и провести ревизию проекта. Сделать постоянным то, что мы хотим сохранить, – гуманитарное сотрудничество, права граждан, единая система образова-

ния, унификация законодательства в экономической сфере (ее придется просто ввести, потому что в ЕЭП без унификации законодательства не обойтись). И два больших вопроса: Конституционный акт (хотим ли мы к нему возвращаться?) и единая валюта. Я думаю, с учетом существующих реалий вопрос о Конституционном акте будет снят, потому что России как федерации будет сложно найти оптимальную форму политического союза с унитарной Беларусью, не разрывая при этом собственную федеративную структуру. Но придется создавать что-то дееспособное на уровне надстройки. Кроме того, определиться в вопросе о власти – очень сложно кому-то делегировать свой суверенитет или часть суверенитета. А вот вопрос о единой валюте, на мой взгляд, нуждается в серьезном обсуждении. Если мы строим это интеграционное образование, одним из его этапов станет введение единой валюты. И далее мы должны, как говорят европейцы, прочертить дорожную карту движения к этой цели. А там можно очень многое сделать. Ввести и контролировать единые экономические показатели, как в Европе. Потом, может быть, ввести единую безналичную денежную единицу, как было в случае евро. Это действительно серьезный пошаговый план. И одна из ошибок, одна из причин того, что единая валюта не была введена, состоит в том, что в программе действий, которая была предложена по союзному договору, не было намечено этапов и сроков по выполнению цели. Сегодня необходимо заново подтвердить наши цели, сформулировать их значимость и очень ответственно обозначить этапы и сроки реализации этих целей. Если исходить из сегодняшних реалий, то, на мой взгляд, Союзному государству нужно переходить к сильной концепции союзничества. Именно так мы сохраним то ценное, что есть. Союзничество, которое включает три компоненты: гуманитарную и гражданско-правовую – это русский язык и культура в обеих странах, это единые гражданские права на территории этих стран. Второе – это военный союз, и третье – экономический союз. Со-

юзничество, которое будет связано взаимно обязывающими соглашениями и подходами по этим трем позициям, и будет тем лучшим, что нам останется.

– Но ведь корректировка формулы СГ не отменяет важности межпарламентского сотрудничества. Как вы оцениваете деятельность Парламентского Собрания Союза Беларуси и России?

– Это очень важный компонент. И очень хотелось бы чаще слышать голос союзных парламентариев. Иногда такие моменты возникают, когда тема двусторонних отношений приобретает остроту. И мне кажется не совсем правильно, что двусторонние отношения России и Беларуси полностью отданы на откуп переговорным машинам, бюрократии. Это неправильно, ведь наши общества тесно связаны на уровне корневой системы. Значит, должно быть активное взаимодействие общественных мнений разных стран. Трибуна совместного парламента является для этого самым подходящим местом. Диалог вневедомственных структур – важный фактор сближения политических культур, сближения позиций, лучшего взаимопонимания. Это то, что должно происходить. Ну и плюс (это касается конфликтов и споров) – точно так нужно относиться к тому, что нас сближает, например общие позиции на международной арене или общие задачи в области модернизации экономики. Необходимо формирование совместной повестки. И парламентская трибуна является инструментом для того, чтобы такую повестку формировать.

– Вы назвали такой концептуальный термин, как «союзничество». На каких принципах могло бы существовать наше союзничество?

– В США статус союзника закреплен законодательными актами – статус союзника Соединенных Штатов. Я думаю, что в России было бы уместно формировать аналогичную концепцию союзничества, чтобы мы понимали, что есть такой статус – «союзник России», который подразумевает с нашей стороны обязательства. И обязательства со стороны нашего партнера. Тогда не будет возникать вопроса – субсидируем или не субсидируем, а если субсидируем, то зачем. И что нам важнее: трубопровод или радиолокационная станция? Все эти вопросы должны быть решены на уровне законодательного акта, и прежде всего в самой России. Она сама должна вырабатывать эту концепцию союзничества. Я уже сказал, что это триада: концепция русского языка, русского населения, культуры в стране-союзнике, военный союз и экономический союз. Если по всем трем позициям давать критерии того, чего мы ждем от наших партнеров и чем готовы за это платить, то отношения будут более прозрачными.

Беседовала
Татьяна КОНДРАТОВИЧ